

Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России

Кульминацией деяний советского тоталитарного государства явилось разрушение гражданского общества, т. е. того пространства, которое существует между индивидом и государством и состоит из частных учреждений, общественных организаций, рынка и сферы свободного выражения идей и отправления вероисповедания. Это разрушение происходило в Советском Союзе постепенно в течение первых двух десятилетий после большевистской революции и более интенсивно во время первой и второй пятилеток. Тем не менее спустя полвека с процессами «гласности» и «перестройки» началось возрождение гражданского общества. Об острой необходимости его возрождения свидетельствуют коллапс советского государства, нестабильность новых политических структур, размежевание по национальному признаку и экономические трудности.

Одним из важнейших атрибутов гражданского общества в Советском Союзе было появление ряда внепартийных, внегосударственных организаций, обычно называемых «самодеятельными», или «неформальными», объединениями. Неофициальные, стихийно возникавшие общества становились промежуточными организациями, благодаря которым советские граждане, в основном образованные, получили возможность объединяться по собственной инициативе, избавляясь от чувства изолированности. Эти общества сыграли важную роль в процессе роста самосознания, в объединении конкретных интересов избирателей, в развитии частной инициативы и чувства гражданского долга. Возможно, что самим своим существованием независимые объединения подрывали монополию государственной власти в сфере общественного мнения¹.

В начале перестройки деятельность неформальных ассоциаций воспринималась с удивлением. По мере привыкания к новому явлению неформальные группы даже регистрировались. В современных условиях их деятельность раздражает и часто вызывает досаду. Краткость исторического опыта самоорганизации мешает по достоинству оценить его значение. Чтобы осмыслить огромные усилия, которые потребовались для восстановления гражданского общества в прежнем Советском Союзе, следует обратиться к историческим корням этого явления.

¹ См., например, Демократия и инициатива. «Правда», 27 декабря 1987; Неформалы: кто они? куда зовут? М., 1990; Из истории общественных организаций. Диалог историков. В кн. «Историки спорят». М., 1988; Березовский В., Кротова Н. Неформалы — кто они? В кн. «Неформальная Россия. О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника)». М., 1990; Неформальная Россия; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Справочник. М., 1991; Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1991, и др.

Важно напомнить, что более века назад в России уже происходило формирование гражданского общества. Основой его развития, а также жизни общества в целом было бурное возникновение общественных организаций, в частности тех, что оставались в стороне от насущных жизненных проблем (заработка на жизнь), преследуя главным образом образ филантропические и культурно-просветительские цели. Взяв в качестве исследуемой модели дореволюционную Москву, я рассмотрю сферы деятельности наиболее важных организаций с исследованием причин их умножения и совершенствования и оценкой роли в формировании гражданского общества в конце XIX века. Наконец, мною будут изложены соображения о самостоятельном значении русского опыта для социологической теории.

Общественные организации в дореволюционной Москве

Следует учитывать тот факт, что в течение длительного времени в России практически отсутствовали общественные организации и оставались неразвитыми такие ценности, как неприкосновенность личности и частной собственности, приоритет закона и правовое мышление, составляющие контекст гражданского общества на Западе. Это был крайний вариант восточноевропейской модели: социальная инициатива принадлежала не объединениям частных лиц, а бюрократическому аппарату, непосредственные же потребности человека удовлетворялись при помощи традиционных институтов, таких как семья, церковь, крестьянская община. Более того, русский город никогда не имел независимого самоуправления, завоеванного европейским городом столетия назад. Горожане объединялись по иерархическим признакам, определяемым традицией, законоуложением и заслугами перед государством. Несмотря на то что законы, принятые при Екатерине II, были направлены на создание третьего сословия и городской общины, город в еще большей степени попал под непосредственный государственный контроль, а избиратели не были допущены к участию в жизни города². Наконец, общеизвестным фактом русской истории является то, что правительство расправлялось с популярными объединениями, видя в них источник подрывных действий, и строго ограничивало деятельность немногих разрешенных обществ. Чтобы существовать на легальных основаниях, требовалось получить одобрение императора через ходатайство Кабинета Министров³. Первое законодательство по созданию и контролю за общественными организациями появилось в 1782 году. Таким образом, страх недоверчивого правительства плюс молчаливое бездействие равнодушного населения в течение ряда веков сдерживали организованное участие народа в общественной жизни.

Несмотря на размеры Москвы и ее экономическое значение, до начала великих реформ в этом городе насчитывалось лишь несколько благотворительных и научных обществ. Московское сельскохозяйственное общество — просветительское объединение, созданное в 1820 году, — занималось организацией выставок и конференций для крестьян, а в 1845 году появилось Московское просветительское общество, проводившее курсы лекций и издававшее книги. Впрочем, даже такой вид деятельности был редким явлением в середине прошлого века. Купеческие организации типа Московского биржевого общества были созданы лишь в 1870 году⁴.

В середине прошлого века в путеводителях по городу, этих образчиках на-

²См. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1977; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

³См. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX—XX веков. М., 1980; ст. «Общества» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в 82-х томах. Т. 42. СПб., 1893—1902, с. 607—628; Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979.

⁴Москва в 1872 году. М., 1872, с. 54.

зойливой рекламы и визитных карточек современного города, нет и упоминания о московских обществах и «общественной жизни». В путеводителе за 1868 год, например, сообщается, что Москва славится «великолепными соборами, царскими дворцами, дворянскими особняками и бесчисленными магазинами и лавками»⁵. Однако за период жизни одного поколения в путеводителях появилось кое-что примечательное. Например, совершенно иным предстает облик города в путеводителе, подготовленном Московским инженерным обществом и изданном И. Сытиным в 1903 году. (Доходы от издания пошли на поддержку вечерних и воскресных школ для рабочих.) Его авторы, захлебываясь от восторга, сообщали: «Москва полностью преобразилась из большой деревни с дворянским флером в огромный многонаселенный торговый и промышленный город, гордостью которого являются музеи, художественные галереи, клиники, больницы, благотворительные и учебные заведения»⁶.

Таким образом, общественные организации и гражданские учреждения становятся важной и приметной чертой Москвы. Следует иметь в виду, что к концу XIX века отдельные представители начинают объединяться и создавать организации в невиданных до сих пор масштабах по профессиональным, производственным, филантропическим и клубным интересам. Какие же организации были ими созданы? Городской справочник за 1912 год перечисляет более 600 обществ, организаций и клубов, а также объединений, охватывающих широкий диапазон благотворительной, технической, литературной, спортивной, артистической, культурно-просветительской и научной сфер деятельности. (Городские справочники издавались ежегодно, начиная с 1894 года в Санкт-Петербурге и с 1897 года — в Москве⁷.)

Городские благотворительные организации включали множество обществ, созданных при больницах и приходских домах призрения, а также такие почтенные организации, как Императорское филантропическое общество и Попечительство благородных дам над обездоленными. Московские благотворительные общества и общества взаимопомощи субсидировали и поддерживали широкий ряд благотворительных учреждений, таких как приюты и богадельни⁸. Гордостью Москвы являлась также одна из самых новаторских и широкоизвестных благотворительных организаций в стране, состоящая из городских районных отделений попечительства над бедными*. По мнению сторонников такой помощи, благодаря децентрализации усилий и привлечению добровольных помощников такие попечительские общества должны были не только содействовать социальной реабилитации обедневших слоев, но и изменить саму концепцию социальной помощи. Большинство обществ взаимопомощи и потребительских объединений были созданы в более позднее время. Организованные по профессиональному принципу, они отражали растущее разделение труда в городской экономике и имели значение для повышения профессионализации многих специальностей. Общества взаимопомощи были созданы для агрономов, ветеринаров, учителей, врачей, инженеров, фармацевтов, фельдшеров, конторских служащих, торговых

⁵ Захаров М. П. Путеводитель по Москве. 3-е изд. М., 1868.

⁶ Горностаев И. Ф., Богуславский Я. М. Путеводитель. М., 1903, с. 36. См. также Бредли Дж. Мужик и москвич: урбанизация в поздний период царской России, гл. 2. Беркли, 1985; его же. Москва: от большой деревни до метрополии. В кн. «Город в поздний период царской России». Блумингтон, 1986; его же. Писатель и город в поздний период царской России. «Славянское и восточноевропейское обозрение». Т. 64. 1986, № 3.

⁷ Вся Москва за 1912 год. М., 1912. См. также Степанский А. Д. Общественные организации в России на рубеже XIX—XX веков. М., 1982; Степанский А. Д. Материалы легальных общественных организаций царской России. «Археологический ежегодник за 1978 год». М., 1979; Плато К. Г. фон. Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Рига, 1903; Ильинский К. Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената. Рига, 1913.

⁸ Линденмейр А. Организация общественной помощи бедным и частной благотворительности в поздний период царской России. Докторская диссертация. Принстонский университет, 1980.

⁹ См. Линденмейр А. Русский эксперимент по воплощению принципа добровольной помощи: муниципальное попечительство бедных. 1894—1914. «Ярбухер фюр Гешихте Остойропа». Т.30. 1982, №3, с. 429—451; Бредли Дж. Мужик и москвич... с. 317—324.

работников, владельцев гостиниц, официантов, сантехников, скорняков, парикмахеров, сапожников, портных, извозчиков, пекарей, владельцев бань, домашней прислуги и других профессиональных групп¹⁰. Существовали общества поддержки студентов и выпускников различных институтов и гимназий, а также общество взаимопомощи для представителей национальных меньшинств, проживающих в Москве.

Разделение труда в городской экономике проявилось и в наличии более чем 50 профессиональных, технических и медицинских обществ. Многие медицинские общества отражали специализацию внутри профессии. Кроме того, существование медицинских обществ, таких как Общество по предотвращению младенческой смертности, Всероссийская лига по борьбе с туберкулезом. Общество городских врачей, Российское общество народного здравоохранения, Московское общество фабричных врачей и Московское гигиеническое общество, отражало глубокую озабоченность здоровьем народа. Наибольшей известностью, в частности благодаря своей работе совместно с земствами, пользовалось Пироговское общество русских врачей". Наиболее крупными техническими обществами были Московское общество архитекторов, Русское горнопромышленное общество, Политехническое общество, Московская секция Русского инженерного общества и Общество по распространению технических знаний¹².

В среде городского населения разделение труда шло параллельно разделению по интересам в проведении досуга, что отразилось в создании городских спортивных, драматических, просветительных и культурных обществ. Подобно другим современным крупным европейским городам, в Москве насчитывалось несколько автомобильных, велосипедных и авиационных клубов, а также множество других организаций, способствующих занятию спортом или любимым делом. Как и в других крупных европейских городах, в Москве было несколько обществ спиритуалистов (Конгресс которых состоялся в 1906 году), гипнотизеров и теософов¹³. Литературные и артистические общества включали Аксаковское литературное и политическое общество, Московское общество искусства и литературы, Общество литературы, драмы и музыки имени Островского, Московское драматическое общество, Императорское театральное общество, Московское хоровое общество, Московское общество художников и Русское общество фотографов. В просветительные общества входили Московский комитет грамотности, Московское общество независимых библиотек, Московское общество по организации и проведению культурно-просветительных увеселений, Московское общество по проведению публичных лекций, организации библиотек и читален, Московское общество народных университетов и, наконец, наиболее ханжеская из всех организаций (англичанин сказал бы: наиболее викторианская) — Общество трезвости¹⁴.

Самыми выдающимися из научных обществ были Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорское археологическое общество, Московское университетское общество натуралистов-любителей, Императорское общество по изучению истории и памятников древ-

¹⁰ Об анализе городской рабочей силы и структуре занятости см. Б р е д л и Дж. Мужик и москвич... с. 142—193, 359—370.

¹¹ См. История Москвы в 6-ти томах. Т. 5. М., 1952—1959, с. 429—438; Приден Нэнси Манделкер. Русские врачи в эпоху реформы и революции. 1856—1905. Принстон, 1981, с. 179—199, 231—261.

¹² См. Филиппов Н. Г. Научно-технические общества России, 1866—1917. М., 1976; Г р и ц е н к о Н. Н. и др. Научно-технические общества СССР. Исторические очерки. М., 1968; Меженко Ю. А. Русская техническая периодика. М.-Л., 1955; Об Императорском русском инженерном обществе (также известном как Русское техническое общество) см. Краткий исторический очерк деятельности Императорского русского технического общества с его основания по 1 января 1893 года. М., 1894.

¹³ См. Труды Всероссийского съезда спиритуалистов. М., 1907.

¹⁴ См. З а х а р о в М. П. Обзор деятельности Московского комитета грамотности. М., 1900; П р о т о п о в Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности, 1861—1895 годы. СПб., 1898; Р у з и н К. Пол, класс и профессионализация русских городских учителей. Университет Питтсбург Пресс (готовится к изданию), а также Сереньи и Скотт Дж. Русские учителя и крестьянская революция. Политика образования в 1905 году. Блумингтон, 1989.

ности, Русское литературное общество, Московское математическое общество, Московское общество по распространению научных знаний и Московское сельскохозяйственное общество¹⁵.

Развитие общественных организаций

Интенсивный рост числа разнообразных городских обществ и объединений в начале XX века связан с причинами политического, социально-экономического и культурного характера. Семени гражданских объединений были посеяны самим самодержавием, и — подобно многим растениям — они отнимали питательные вещества у старого режима. Позволив внеправительственным институтам, таким как земство, играть активную общественную роль, Великие реформы разрушили монополию на общественную жизнь, ранее принадлежавшую самодержавию и бюрократии. Например, несмотря на то что по-прежнему требовалось получить одобрение устава организации у центральных властей, начиная с 1862 года процесс получения разрешения был упрощен до обращения в несколько министерств¹⁶. Центральное правительство также предоставило русским городам некоторую автономию и разрешило деятельность ряда политических организаций, например городского совета.

Хотя предоставляемые льготы были весьма ограниченными, в Москве стало развиваться активное городское самоуправление. В нем участвовали стоящие на гражданских позициях промышленники, деловые люди и специалисты, посвятившие себя делу развития и расширения городских служб¹⁷. За первые 15 лет городским советом были открыты школы, больницы, начата разработка проектов городских общественных работ. Совет принял участие во многих разработках в области народного здравоохранения, домостроения и городского транспорта. По мере роста интереса у специалистов и деловых людей к окружающему их городу городской совет стал играть более активную роль в проведении городской реформы. «Гражданское» значение подобной деятельности выходит далеко за рамки простого увеличения маршрутов городского транспорта или прокладки сети канализационных труб. Комитет городских общественных служб полагал развитие частной инициативы (самодеятельности) и нравственности в народе главными целями городского правительства¹⁸. Таким образом, Москва заняла ведущую роль среди русских городов в движении за муниципальную независимость и расширение сферы социальной помощи, а городской совет приветствовал проявление частной инициативы и гражданственности.

Еще одной важной причиной активизации общественной деятельности в конце XIX века стал ускоренный процесс урбанизации и индустриализации. Москва была наиболее быстро развивающейся из европейских метрополий, а пригороды росли, как грибы после дождя. Распространение науки и технологии, как и профессионализация трудовых ресурсов, свидетельствовали об увеличении потребности в техническом и профессиональном обучении именно взрослого населения. Были предприняты решительные меры по ликвидации безграмотности и налаживанию системы народного просвещения, что способствовало более

¹⁵ См. Императорское Московское общество сельского хозяйства. Историческая записка о 30-летней деятельности. М., 1890; Историческая записка о деятельности Московского археологического общества за 25 лет. М., 1890; Степанский А. Д. Научные общества при высших заведениях дореволюционной России. В кн. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. М., 1979.

¹⁶ См. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации...

¹⁷ Многие московские градоначальники, например С. Третьяков (1876 — 1882), Н. Алексеев (1885—1893), К. Рукавишников (1893—1896) и Н. Гучков (1905—1912), происходили из известных купеческих семей. Подробнее об общественной деятельности московских купцов см. Бурый П. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954, переиздано в Москве в 1990 году; Оуэн Т. Капитализм и политика в России. Социальная история московского купечества. 1855—1905. Кембридж. 1981; Рибер Э. Купцы и предприниматели в царской России. Чепел Хилл, 1982; Ракман Д. Московская деловая элита. Социальный и культурный портрет двух поколений. 1840—1905. ДеКалб, 1984.

¹⁸ См. Терстон Р. Либеральный город, консервативное государство. Кризис города в России. 1905-1914. Оксфорд, 1987.

широкому использованию труда служащих и квалифицированных рабочих", Россия, без сомнения, опередила свое время и в том, что неработающим женщинам были предоставлены широкие возможности получить образование²⁰. Впрочем, желания все равно превышали возможности. Каким бы деятельным ни было московское городское правительство, оно не могло справиться с ростом потребностей и запросов горожан. И свободное пространство стало заполняться обществами, ориентированными на удовлетворение их запросов.

И наконец, увеличение числа общественных организаций объясняется возрастанием интереса к русской национальной культуре и природе русского характера во второй половине XIX века. Многие проявления такого интереса хорошо известны — это «хождение в народ», либерализм с его идеей «малых дел», открытие исконно русских народных тем в искусстве. Интерес к народной культуре и любовь к родной земле объединили образованных людей в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, в Общество по изучению русской истории и памятников древности и в Московское археологическое общество. Московская славянская конференция и проведенная в 1867 году под ее эгидой этнографическая выставка явились и результатом, и очередным стимулом возрождения интереса к родной культуре²¹. Одним из направлений «исключительно плодотворной деятельности» Московского археологического общества стали археологические раскопки и изучение местных памятников²³.

Случаи проявления национальной гордости или бесславия побуждали общественность предпринимать меры в тех областях, где самодержавие не могло или не хотело действовать, чтобы удовлетворить национальные потребности. Так, к примеру, война с Турцией 1877—1878 годов стимулировала частную деятельность и движение добровольцев. Одновременно непопулярность войны в определенных кругах вызвала волну «неофициальной» скорби по убитым воинам и привела к созданию первых в России антивоенных песен и художественных полотен. (Вспомним, например, «Апофеоз войны» В. Верещагина. Л в «Полководце» М. Мусоргского, в ключительной песне цикла «Песни и пляски смерти», победителем является смерть, которая «с гордостью обозревает страшное поле битвы» и провозглашает свою победу, говоря, что люди скоро забудут, за что они сражались сегодня. Мысли о бессмысленности войны и «неофициальная» скорбь, отраженная в этих произведениях, контрастируют с «официальной», напыщенной и воинственной риторикой по поводу погибших, столь характерной как для царского, так и для советского режимов.)

Позже усилия правительства, направленные на борьбу с голодом, разразившимся в 1891 году, были восприняты широкой общественностью как неадекватные, что вызвало чувство вины у образованных классов, способствовало объединению усилий отдельных лиц и еще больше стимулировало общественную деятельность²³. Нельзя сказать, однако, что национальная скорбь всегда была направлена против самодержавия. Два десятилетия беспрестанного давления левых сил на основы социального и политического строя в России обернулись 1 марта 1881 года убийством Александра II, «царя-освободителя», после чего деструктивные действия радикальной интеллигенции вызвали широкое осуждение. На передний план выдвинулись идея либерализма «малых дел», трезвая практическая и конструктивная общественная деятельность.

¹⁹Эклоф Б. Русские крестьянские школы: официальная политика, деревенская культура и народная педагогика. 1861—1914. Беркли, 1986; Брукс Дж. Когда Россия училась читать: грамотность и популярная литература. 1861—1917. Принстон, 1985.

²⁰Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860—1930. Принстон, 1978.

²¹См. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд. М., 1867; Алексеева Л. Д. Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России. «Вестник Московского университета», серия 8. «История», 1983, № 6, с. 54—62.

²²Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи XIX века. М., 1986, с. 139—140.

²³Роббинс Ричард Г. мл. Голод в России. 1891—1892. Нью-Йорк, 1975.

То, что России нуждалась в прагматической, конструктивной деятельности, не вызывает сомнений. Значительные успехи были достигнуты в издательском деле, просвещении и меценатстве. Во многих бюллетенях, протоколах собраний и научных записках распространились сведения о работе родственных организаций в других городах. Таким образом, печать содействовала созданию национальной сети общественных объединений в то время, когда национальные организации, союзы и конгрессы были проклятием для самодержавия. Разносторонние публикации многих периодических изданий являлись как бы передаточным механизмом, с помощью которого посредники русской культуры — учителя и врачи — осуществляли свою просветительскую миссию в широких народных массах. Наиболее плодотворную научно-издательскую работу проводили Пироговское общество врачей и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии²⁴. Пироговское общество издавало брошюры по санитарии и гигиене; лекции и отчеты Общества народных университетов публиковались И. Сытиным в книгах для домашнего чтения; программы по самообразованию публиковало Общество по распространению технических знаний²⁵.

Систематически изучая проблемы образования, организуя учебные классы, публичные лекции, а также открывая библиотеки и читальни, общественные объединения непосредственно участвовали и просвещении городского населения. Некоторые организации, такие как Политехническое общество, Русское инженерное общество и Общество по распространению технических знаний, проводили работу в секциях по изучению и разработке основных направлений народного образования. Подобные занятия вели и Общество по распространению специального обучения, Общество по изучению и ведению бухгалтерского дела и Общество предприятий розничной торговли. Некоторые организации совместно с муниципалитетом создавали общие, специальные и технические школы и коммерческие училища, причем во многих из них проводилось обучение взрослых лиц по вечерам и воскресеньям²⁶. Например, Русское инженерное общество и Общество по распространению технических знаний организовали школы механиков и финансировали публичные лекции и бесплатные занятия по обучению специальности чертежника-конструктора. Коммерческие училища, многие из которых были открыты в 1880-е годы, свидетельствовали о приверженности деловых кругов делу народного образования и содействовали быстрому распространению просвещения в Москве. Так, в 1897 году банкир А. Вишняков организовал Общество по обучению коммерческому делу уже работающих конторских служащих, а также молодых людей, желающих сделать карьеру в коммерции²⁷.

Публичные лекции, читальни и публичные библиотеки открывали широкие возможности для получения образования взрослыми людьми. Первый зал для публичных лекций был открыт в 1887 году Комитетом по организации и проведению публичных чтений, основанным при Обществе по распространению полезных книг. Согласно ежегодным отчетам этого общества, сначала публика рассматривала лекционный зал как место для развлечений, где за 2 копейки можно увидеть представление «волшебного фонаря». Однако к 1890-м годам это отношение изменилось, и публика стала воспринимать лекционные залы как центры,

²⁴ См. Издания общества. Библиографический указатель в 2-х томах. М., 1894, 1913, переиздание из «Известий общества», тт. 89, 127. Среди изданий Пироговского общества были Журнал, Земско-медийский сборник. Общественный врач. Русская земская медицина, Земская санитарная статистика.

²⁵ См. Воробьева Ю. С. Московский городской народный университет А. Л. Шанявского. «Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР», с. 170—189; Сторожев В. Пятилетие московской комиссии по организации домашнего чтения. «Образование», № 2 (февраль 1898), с. 36—54.

²⁶ См. Труды Русского инженерного общества за 1874—1897 годы: Кайданова О. Очерки по истории народного образования в России и в СССР. Берлин, 1939; Е л к и н а С. Очерки по агитации, пропаганде и внешкольной работе в дореволюционной работе России. М., 1930; Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1917; Ч ар н о л у с к и й В. И. Настольная книга по внешкольному образованию. Пб., 1913.

²⁷ См. История Москвы. Т. 4, с. 662; Оуэн Т. С. Капитализм и политика... с 153.

созданные для целей всеобщего просвещения, и к ним потянулось множество людей²⁸. В 1898 году Общество по организации культурно-просветительных народных увеселений приступило к финансированию курсов публичных лекций наряду с показом картинок «волшебного фонаря», организацией народных гуляний, проведением концертов и спектаклей²⁹.

Были открыты два городских народных университета: первый при Обществе народных университетов, а второй — Народный университет А. Шанявского — был создан под эгидой городского совета³⁰. Они проводили курсы усовершенствования знаний по типу британских и американских университетов, и их цели были сформулированы в уставах. Народный университет воспринимался ими как независимое учебное учреждение, единственная цель которого — распространение научных знаний среди всех слоев населения. Университет Шанявского своей основной задачей считал распространение высшего научного образования и необходимость прививать любовь к науке и знаниям среди народа³¹. Все программы обучения взрослых лиц были нацелены не на что иное, как на «демократизацию знаний», «стирание граней между социальными классами» и «разрушение всех барьеров между людьми»³².

Наиболее наглядным примером меценатства со стороны городских общественных организаций было создание музеев и выставок. Здесь можно выделить две организации: Московское отделение Русского инженерного общества и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Первое в 1901 году основало Музей помощи труженикам. Созданный по типу Парижского музея социальных проблем этот музей занялся разработкой проблем труда по двум основным направлениям — «социальной» и политической экономии. В музее накапливались сведения, которые могли помочь руководителям производства улучшить материальное положение рабочих. В нем также были организованы курсы публичных лекций, проводились занятия и выставки, чтобы рабочие могли приобрести знания. Музей стал центром прогрессивно настроенных специалистов, представителей ремесленничества и религиозных общин. В 1905 году под его сводами организовывались общества и проводились собрания пекарей, железнодорожников и городских служащих. Там же состоялась первая Всероссийская конференция представителей профсоюзов, в помещении музея были проведены два собрания общественности, на которых был создан Московский городской совет³³.

В связи с широкой просветительской деятельностью наибольшую известность получил Музей науки и промышленности, созданный на основе Русской выставки науки и промышленности, проведенной в 1872 году. Организованный совместными усилиями Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Городского совета музей стал образцом сотрудничества общественных объединений и городского управления. Начиная с 1878 года музеем финансировались лекции, обсуждения и воскресные школы для простых рабочих. К началу XX века музей превратился в открытый для широкой публики университет, а Общество народных университетов финансировало занятия по юриспруденции, экономике, литературе, естественным наукам и медицине, кото-

²⁸См. Кротков П. В. Деятельность комиссии по устройству в Москве публичных народных чтений. «Известия Московской городской думы», ч. I (июль-август 1896), с. 22—27.

²⁹См. Общество содействия к устройству общеобразовательных народных развлечений. «Известия Московской городской думы», ч. I (июнь 1898), с. 17—18.

³⁰См. Суцов Н. Ф. Организация общественных развлечений. «Образование», №1 (январь 1898), с. 29—43; Первый Всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов и других просветительских учреждений частной инициативы. Труды. СПб., 1908; Елкина С. Очерки... с. 209—215.

³¹См. Вся Москва за 1912 год, с. 259—260.

³²См. Сторожев В. По поводу отчета Московской комиссии домашнего чтения. «Образование», 1897, №3.

³³Энгельштейн Л. Москва 1905 года: организация рабочего класса и политический конфликт. Стэнфорд, 1982, с. 81, 100, 116, 156, 163. Музей публиковал брошюры о профсоюзном движении начиная с 1906 года.

рые проводились в его помещениях. Первое время занятия посещали в основном интеллигенция и рабочие высшей квалификации, а затем они стали привлекать все больше внимания простых рабочих³⁴. Предоставляя бесплатно залы и аудитории многочисленным обществам для проведения собраний и встреч, музей стал общественным центром содействия просвещению взрослого населения и проведения общественных мероприятий.

Музей науки и промышленности был лишь одним из многих музеев, на базе которых московские образованные классы пытались распространять знания и культуру в массах и где были развернуты постоянные выставки. Среди тематических выставок, проводимых в Москве, можно назвать выставки этнографии (1867), антропологии (1879), географии (1892), археологии (1890), сельского хозяйства (1864), электричества (1892), искусства, архитектуры и строительства (1904), фотографии (1902) и др. Наибольшую известность в связи с грандиозностью размаха получили Выставка науки и промышленности 1872 года, а также Всероссийская художественно-промышленная выставка, проведенная 10 лет спустя³⁵. (Грандиозные выставки, устраиваемые в России подобно выставкам в Европе и Америке во второй половине XIX века, были средствами демонстрации новейших достижений в науке, промышленности и культуре, а также витриной отечественной промышленности и развития ремесел для зарубежных посетителей.)

В официальном отчете о второй выставке сообщалось, что повсеместно промышленность является основной детерминантой мощи и престижа страны. Нация могла проявлять свою силу и авторитет, демонстрируя свои достижения в области промышленности, науки и культуры. Поэтому без конца как синоним выставки повторялась фраза «праздник промышленности». Обнаружив для себя, что российская промышленность способна создавать высококачественные и изысканные товары, иностранцы должны были признать, что Россия стала истинно просвещенной, благоустроенной европейской страной³⁶.

Удивлять иностранцев, особенно европейцев, было давней традицией России, но не это было пределом мечтаний организаторов выставок. Выставки помогали русским людям ощутить гордость за свою промышленность и преодолеть общенациональный комплекс неполноценности, издавна укоренившийся в людях. Чтобы преуспеть в современном мире, говорилось в отчете, промышленности необходимы люди, не боящиеся риска, уверенные в своих силах, предприимчивые, целеустремленные, промышленности нужна конкуренция, а обществу — свобода дискуссий (гласность).

Но последняя волна террора и правительственных репрессий вкупе со склонностью русских высших слоев к «самобичеванию и негативизму» парализовали общество и одновременно деловую жизнь. Россия погрузилась в пучину «бездонного пессимизма». Вот почему самой важной задачей выставки было восстановление веры в потенциал нации.

Общественные организации и формирование русского гражданского общества

Московские общественные объединения в значительной мере содействовали формированию русского гражданского общества, помогая создавать, расширять, укреплять и защищать пространство между индивидом и государством. Из представленного выше обзора деятельности общественных организаций можно выделить три основных направления развития общества: формирование независимой личности, содействие профессионализму и культивирование гражданского долга. Общественные организации помогали развитию независимой

³⁴ Подняков Н. Н. Политехнический музей в его научно-просветительной деятельности 1872—1917 годов. Работа передовых русских ученых в Политехническом музее. «История музейного дела в СССР». М., 1957, с. 129—158; История Москвы, т. 4, с. 636; т. 5, с. 469—470.

³⁵ О выставке 1872 года см. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Общее обозрение Московской политехнической выставки. М., 1872.

³⁶ См. Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве в 6-ти томах. СПб., 1884.

личности, отстаивая ценности, которыми обычно пренебрегали в самодержавной России: прагматизм, частная инициатива, опора на собственные силы, самосовершенствование, предприимчивость, трудолюбие, рационализм, вера в науку и прогресс. Сама концепция, лежащая в основе деятельности общественных объединений, предполагает проявление индивидуальности и собственной свободной воли в поведении человека, а не корпоративности и подчинения. В основе поведения личности — выбор, а не судьба. Предоставляя помещения для собраний российских нарождающихся профессиональных групп и подчеркивая ценность истинных достоинств и технической компетенции, городские общественные организации содействовали профессионализации. А при существующей в России архаичной сословной структуре и растущем недовольстве либерально настроенных специалистов отсутствием у них прав и возможностей, при наличии препятствий для организации в национальном масштабе трудно себе представить профессионализацию без местных общественных организаций³⁷.

Общественные организации, вне всяких сомнений, сыграли наиболее важную роль в развитии независимой гражданской жизни. Тысячи обществ и объединений, созданных двумя поколениями до революции, предлагали широкие возможности по ликвидации застоя в общественной жизни, по «расширению кругозора», «воспитанию гражданского чувства» и совершенствованию вкуса. Через общественные объединения частная инициатива направлялась в определенные сферы практической гражданской деятельности, что помогало избегать проявлений, во-первых, эгоистической и жадной страсти к наживе, порицаемой русской православной церковью и традиционной русской культурой, и, во-вторых, нигилизма радикально настроенной интеллигенции, отвергаемого русскими либералами. Объединения помогали сочетать интересы личности с общественными интересами, индивидуализм с действиями на благо общества и (что является поразительной чертой русского мира искусств в то время) европейские течения со старой русской культурой. Деятельность объединений не только возбуждала чувство общественного долга и гражданственность, отсутствующее в русской национальной жизни, но и давала им новое содержание. Бюрократическое служение государству или иллюзорное служение «народу» более не входили в понятие «общественного долга». Образованные русские люди получили возможность заниматься практической, наполненной смыслом деятельностью, направленной на структуру, стоящие между царем и народом³⁸.

Однако жизнь объединений не была лишена противоречий, в значительной мере проявившихся в революции 1905 года. Несмотря на то что обсуждение участия общественных организаций в национальной политике выходит за рамки данной статьи, стоит отметить одно из противоречий. Многие неформальные объединения обещали разрушить барьеры традиций, сословные и должностные предрассудки. Как писал один советский историк, публичные собрания и «несловный характер» Московского археологического общества позволяли «сельским священникам, мещанам, крестьянам и женщинам сидеть рядом со столбовыми дворянами и даже членами императорской семьи»³⁹.

Общественные организации также содействовали появлению новых объединений на основе ремесла, профессии, культурных традиций и выбора. Однако при возникновении конфликтов внутри организаций, как среди учителей в 1905 году, или между организациями и правительством, новые барьеры разделяли не хуже прежних⁴⁰. Здесь заключается важный недостаток русского нарождавшегося гражданского общества. В своих попытках ограничить центральную

³⁷ Приз Г. Сословная парадигма и русская социальная история. «Американское историческое обозрение». Т. 91. 1986, № 1, с 28—29.

³⁸ См. Между царем и народом: образованное общество и стремление к социальному общественному самоопределению в поздний период царской России. Сб. статей. Принстон, Нью Джерси, 1991.

³⁹ В з д о р н о в Г. И. История открытия... с. 140.

⁴⁰ См. С э н д е р с Дж. Союз союзов. Политические, экономические, гражданские и правозащитные организации во время русской революции 1905 года. Докторская диссертация. Колумбия Университи, 1985.

власть, создать новые и независимые властные центры, обучить население политической борьбе оно выступило конкурентом самодержавия и высшего чиновничества в стремлении к перестройке политического общества. Таким образом, гражданское общество создало новые опасные трещины и разломы, которые разверзлись в 1917 году, и в течение следующего десятилетия оно было задушено однопартийным государством.

Русский опыт и социологическая теория

В последние годы в Западной Европе и Америке возобновился интерес к концепции гражданского общества. Новые теории освобождения человечества и гражданской деятельности были очищены от идей о непримиримой борьбе классов и применены для анализа общества с использованием концепций пола, языка, власти и социальной сути личности и культурных норм. Одновременно с этим в Восточной Европе в 1970 и 1980-е годы теории гражданского общества были подтверждены на практике попытками различных классов «снизу» ограничить власть государства. В период, когда конституцией еще не были гарантированы права, политические свободы, общественные институты, беспристрастный закон и права на частную собственность, массовые объединения были первым элементом гражданского общества, вновь начавшим действовать. Скажем так: если однопартийное государство национализировало общество, то гражданские объединения стали первыми попытками «денационализации». Ю. Хабермас заметил, что западные теоретики в настоящее время придают большое значение феномену общественных объединений в качестве «институционального стержня гражданского общества»⁴¹.

В области теорий гражданского общества у России нет особых заслуг. На первый взгляд может показаться, что гражданское общество западного типа не могло существовать в России. Безусловными гарантами гражданского общества, по мнению западных политических деятелей, являются отсутствие личной зависимости и произвола властей, неприкосновенность личности, жилища и частной собственности, власть закона и святость договорных обязательств, чем царская Россия определенно не обладала. Теоретики гражданского общества от Гоббса до Гегеля связывали его развитие с концепцией отношений, связанных с обменом и договорными обязательствами между частными лицами на рынке, а также с отношением общества и правительства к договорным обязательствам.

Не будучи гарантированным повсеместно, гражданское общество могло также существовать и при королевском абсолютизме, что подтверждается совпадением бурного развития теорий гражданского общества с расцветом королевского абсолютизма. Любые попытки абсолютной монархии подчинить общество государству приводили к развитию теорий о границах, за которые государство не должно вторгаться. Но в то время как западный абсолютизм подчинил общество государству, восточный абсолютизм «национализировал» его⁴². Как в царской, так и в Советской России нельзя было воспользоваться «правами», естественными для гражданского общества на Западе. По меткому выражению А. Грамши, «в России государство представляет все, а гражданское общество первобытно и расплывчато»⁴³.

Нет заслуг у России и в области теорий и изучения истории общественных организаций. За полтора века до Хабермаса А. Токвиль указал на значение общественных объединений. «Американцы всех возрастов и любых склонностей

⁴¹ Хабермас Ю. Дальнейшие размышления по поводу общественной сферы. В кн. «Хабермас и общественная сфера». Кэмбридж, Массачусетс, 1992, с. 453.

⁴² См. статьи Дж. Кина, Х. Кузмича и Е. Шуча в книге «Гражданское общество и государство: новые европейские перспективы». Под ред. Дж. Кина. Нью-Йорк, Лондон, 1988; К о э н Джим Л., Эндрю Эрато. Гражданское общество и политическая теория. Кэмбридж, Массачусетс 1992.

⁴³ См. Избранные места из тюремных записных книжек. Нью-Йорк, 1971, с. 238.

постоянно участвуют в каких-либо обществах», — отмечал Токвиль. Он также считал, что наряду с учреждениями местного самоуправления общественные Организации защищают граждан как от центрального правительства, так и от эксцессов преследования частного интереса: «Я полагаю, что отдельные граждане, объединившись, могут создать учреждения, обладающие благосостоянием, влиянием и силой подобно объединению по признаку аристократического происхождения. Объединение, провозглашающее политические, коммерческие, производственные или даже научные и литературные цели, являются мощным фактором, которым нельзя безнаказанно пренебречь и который выполняет важную роль как противовес произволу правительства и как гарант общих свобод в стране»⁴⁴.

В последнее время общественные организации стали заметно фигурировать в моделях, объясняющих формирование личности представителя среднего класса в Европе и Америке в XIX веке. Например, Дж. Элей и Д. Блэкберн выразили сомнение по поводу распространенной в немецкой историографии XIX века марксистской парадигмы, согласно которой буржуазная революция в этой стране потерпела крах. Оказавшись неспособной возглавить политическое общество, немецкая буржуазия, по мнению Элея и Блэкберна, смогла взять верх в гражданском обществе, как его понимал Гегель: ей удалось сохранить рыночную экономику и капиталистические отношения, право на частную собственность и власть закона и в целом развить сферу общественных отношений отдельно и независимо от государства. Сеть общественных организаций была, в частности, «основным органом, через который буржуазия влияла на материальную и культурную сферы гражданского общества». Более того, объединения играли важную роль в процессе формирования классов: общественная жизнь была одним из главных средств, которые помогли буржуазии сформироваться как класс. Наконец, общественная деятельность не прекращалась независимо от политического успеха среднего класса. На самом деле средний класс действует наиболее успешно (и объединенно) там, где его влияние на общественную жизнь естественно и анонимно; вынужденный же активно вступать на политическую арену, этот класс теряет уверенность в себе, единство и легко становится жертвой провокаций⁴⁵.

Может показаться, что вновь Россия была отрезана от достижений в общественных науках, а анализ русского опыта должен проводиться по хорошо проторенному пути: в категориях, заимствованных из западной теории. Однако при глобальном переосмыслении отношений между государством и обществом и значения гражданского общества собственная история может предоставить возможность русским историкам и социологам внести оригинальный вклад в теорию социальной науки. Русский опыт — как прошлый, так и настоящий — особенно важен для постмарксистских теорий гражданского общества и общественных организаций по следующим причинам. Во-первых, он помогает объяснить процесс формирования общественной инициативы, самообразования групп по интересам и быстрое изменение социальных идентификаций в стране с сильной государственной традицией. Во-вторых, он позволяет исследовать внесударственную сферу в стране со слабо развитыми правами на собственность и с многочисленной буржуазией. В-третьих, общественные организации и гражданского общества помогают нам понять особенности борьбы против абсолютизма, начатой снизу непредпринимательскими, антибуржуазно настроенными социальными группами. И наконец, этим открывается новое направление изучения либерализма и реформ в стране, лишенной корпоративной традиции, каковой обладает Германия, или индивидуалистической традиции, присущей Англии и Америке.

Смею утверждать, что в странах, где царит произвол автократического и

⁴⁴См. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. Под ред. Филиппа Брэдли. Т. 2. Нью-Йорк, Винтадж, 1945.

⁴⁵См. Элей Дж., Блэкберн Д. Особенности немецкой истории. Оксфорд, 1984.

бюрократического аппарата, объединения становятся ведущим фактором формирования гражданского общества и источником его силы. В то же самое время фракционный характер объединений является источником также и слабости. Вряд ли гражданское общество в России было «первобытным», как считал Грамши. Но в последние десятилетия царского режима русское гражданское общество было, действительно, «расплывчатым». Оно оказалось не в состоянии защитить не только государство, но и само себя.

Изучение общественных организаций в их становлении и возрождении поможет нам не только понять процесс становления россиян как граждан; русский опыт поможет социологам оценить роль общественных организаций в незападной стране и пересмотреть модели гражданского общества западного образца.

© Дж. Бредли, 1994

© К. Льюренте-Касар, перевод на русский, 1994